

Теория и практика

Кроме ревизионизма, наступление на марксистскую теорию в немецкой социал-демократии приняло форму так называемого «практицизма» Игнаца Ауэра, отражавшего потребности бюрократического аппарата, который под руководством Фридриха Эберта и давлением профсоюзов с 1906 года всё глубже попадал в зависимость от электоральных успехов и реформизма.

Карикатура на теорию

По словам историка Ганса-Йозефа Штайнберга (*“Il socialismo tedesco da Bebel a Kautsky”, 1979*), «история социал-демократии между 1890 и 1914 годами – это история эмансипации от теории вообще». Парадоксально, но именно немецкая партия, достигшая передовых позиций в теории, пришла к обесцениванию её роли и даже противодействию ей.

Штайнберг приводит карикатуру 1910 года, изданную в сатирической газете *Der Wahre Jacob* с подписью “Теория и практика”, в которой это презрение к теории было отражено с наибольшей очевидностью. На первой картинке марксистские и ревизионистские теоретики атакуют капитализм в образе чудовища. Радикалы – Роза Люксембург, Карл Каутский и Франц Меринг – пытаются ткнуть чудовищу в пасть остриём перьевой ручки, а Бернштейн и его окружение осторожно приближаются к нему сзади. На заднем плане за всем этим наблюдают рабочие. Подпись гласит: «Ревизионисты: “Медленнее, медленнее! Сначала аккуратно отрежем ему хвост, затем постепенно вытащим все его внутренности, чтобы он ничего не заметил”. Радикалы: “Давайте мужественно и изо всех сил вонзим наше смертоносное копьё ему в пасть, а затем выдадим это за естественную необходимость». На второй картинке монстр поворачивается и ломает копьё радикалов, а ревизионисты в страхе отступают. Тем временем на сцену выходят рабочие и на третьей картинке убивают монстра своими орудиями труда, а теоретики стоят на заднем плане. «В этой карикатуре предлагается отказ от теории как директивы для партийной практики», – комментирует Штайнберг.

Презрение к теории, или, точнее, требование отделить её от практики и противопоставить ей, представив теорию как бесплодное и абстрактное упражнение, Игнац Ауэр продемонстрировал ещё в 1899 году на Ганноверском съезде, в ходе дискуссии вокруг ревизионизма Бернштейна: «Я не могу быть таким марксистом, каким требуют отовсюду, так как с моими интеллектуальными способностями я не сумею сориентироваться во всём, что написано под общим названием “марксизма” (смех). Во всех этих вещах я не слишком продвинулся, используя диалектический метод, или как он там называется: тут чёрное – это белое, белое – чёрное, а в высшем единстве всё сливается в серую кашу, от которой зрение только мутится».

Практика как тактика

Саркастичность Ауэра, который, по словам современников, на самом деле неплохо разбирался в теории, была не более чем политической позой. Штайнберг пишет: «Презрение к теории, сопротивление попыткам придать практической деятельности теоретическое обоснование должны рассматриваться прежде всего как выражение сознательной тактики интеграции [в буржуазный порядок]».

Прикрываясь актуальностью практических вопросов развития партии – прежде всего её бюрократического, профсоюзного и электорального аппаратов, – “практицизм” Ауэра отодвинул теорию на второй план, объявив как вещь второстепенную, несущественную и отказавшись от фундаментальной связи между стратегией и тактикой, между теорией и организацией.

Нетерпимость к теории проявлялась даже по отношению к попыткам Бернштейна опровергнуть марксизм: «Эдуард, ты осёл. Эти вещи не пишутся, они делаются», – как-то сказал ему Ауэр. Тем не менее именно ревизионизм с его реформистскими результатами стал идеологическим оформлением оппортунизма, в то время как настоящей мишенью “практицизма” являлась революционная теория Маркса. Более того, пользуясь своим влиянием в партийном аппарате, Ауэр фактически обеспечил ревизионизму прикрытие. В

1901 году Парвус писал Каутскому: «Без Ауэра Бернштейн никогда не смог бы продержаться так долго».

С другой стороны, “теоретикам” не удалось утвердиться в качестве политических и организационных лидеров. Арриго Черветто на национальной конференции Lotta comunista 1979 года говорил, что второе поколение марксизма «не смогло применить теорию на практике» и «все в итоге скатились к ревизионизму», даже Каутский и Бернштейн.¹

Олицетворением социал-демократической бюрократии стал Фридрих Эберт, который стал секретарём партии в 1905 году в возрасте 34 лет, а после смерти Бебеля в 1913 году – председателем партии. Ещё в 1911 году, с одобрения Августа Бебеля, его кандидатура была выдвинута против Гуго Гаазе на пост преемника, при поддержке Карла Легина и профсоюзного руководства. Эберт, бывший шорник, ещё в юности ставший партийным активистом, выделялся своими практическими навыками. Он внедрил в партию современные методы организации: телефон, стенография и пишущие машинки. Историк Карл Шорске пишет о нём: «Непроницаемый, холодный, решительный, трудолюбивый и очень практичный, Эберт обладал всеми качествами, которые, *mutatis mutandis*, сделали бы из него Сталина социал-демократии» (*“German Social Democracy, 1905–1917”*, 1955).

Империалистическое созревание и партия

Чтобы понять парадокс возникновения “практицизма” в партии, которая некогда была оплотом теоретической мысли, необходимо обратить внимание на его материальную основу: превращение Германии в великую державу и, прежде всего, беспрецедентное – в том числе и на теоретическом уровне – империалистическое созревание.

Но необходимый акцент на объективных условиях сразу ставит перед нами вопрос о партии. Черветто в “Тетрадах по стратегии”² приводит размышления Энгельса о развитии рабочей аристократии в передовых капиталистических метрополиях. В письме к Марксу от 7 октября 1858 года Энгельс так комментирует отстаиваемый Эрнестом Джонсом союз между чартизмом и радикальной буржуазией: «Мне кажется, впрочем, что новый ход Джонса, в связи с прежними более или менее успешными попытками такого союза, в действительности объясняется тем, что английский пролетариат фактически всё более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно»³.

Актуализируя это размышление в XX веке, Ленин пишет в “Империализме...”: «Получение монопольно-высокой прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. п. даёт им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных. И усиленный антагонизм империалистских наций из-за раздела мира усиливает это стремление. Так создаётся связь империализма с оппортунизмом, которая сказалась раньше всех и ярче всех в Англии благодаря тому, что некоторые империалистические черты развития наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах»⁴.

Главный вопрос состоит в следующем: неизбежно ли, что партия, как в случае с немецкой организацией, оказывается во власти идеологий и социальных практик империалистического созревания? Подобное объективистское объяснение, к примеру, предлагалось в интерпретации провала революции в Германии, в противоположность успеху в менее развитой России.

Черветто отмечает, что Маркс в переписке «не комментирует и не повторяет “социологические” оценки Энгельса»: «Суждение Маркса, в том числе и о Джонсе, всегда субъективно. Он никогда не рассматривает объективные причины, а смотрит на субъективные, т. е. идеологические, проблемы. Маркс всегда подчёркивает проблему идеологических влияний и никогда не рассматривает объективные причины этих проблем, определяющие политическое и идеологическое поведение».

По мнению Черветто, «теория рабочей аристократии, выдвинутая Энгельсом», должна быть связана с «проблемой партии». Объективный процесс империалистического созревания может объяснить пассивность и подчинённость масс, но не обязательно вырождение самой

партии. В “Тетрадах” Черветто выступает против «теоретиков отсталости» и «тьермондистов», защищая тезис о возможности создания революционного меньшинства в метрополиях, достигших империалистической зрелости. Влияние буржуазных идеологий на рабочую партию на самом деле не устраняет действительных противоречий капитализма, которые с ещё большей ясностью выступают при осознании международных фактов. Однако, чтобы их осознать, необходима борьба на теоретико-научном фронте. Это урок “Что делать?” Ленина: «[...] без революционной теории не может быть и революционного движения»⁵.

Май 2024 г.

¹ - Cervetto A. *Opere. Vol. 17: Relazioni 1978-79*. Milano: Lotta Comunista, 2016.

² - Cervetto A. *Opere. Vol. 7: Quaderni. Strategia e marxismo*. Milano: Lotta Comunista, 2019.

³ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 29. С. 293.

⁴ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 423-424.

⁵ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 2. С. 462. Ленин повторяет тезис Плеханова: «[...] без революционной теории нет революционного движения в истинном смысле этого слова» (Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Сочинения. В 24-х т. Т. II. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 71).